

Дмитрий Маслов

Клоуны и полевая ленкомната

рассказ

Мерзебургское хмурое утро.

День не задался с самого своего начала. Утром лил противный мерзебургский дождь, колючий и холодный. Да и дальше все пошло вкривь и вкось.

На разводе стояли, казалось, целую вечность. Командир долго принимал доклады ротных, что-то там бурчал и кряхтел, как обычно, впрочем. Даже смену не отпустили на боевое дежурство. Огурцов стоял, ссутулившись под тяжестью намокшей шинели, и переминался с ноги на ногу от нестерпимого осеннего сырого немецкого холода. Вдруг ротные развернулись и пошли прочь от папы каждый к своим подразделениям. Барабанщик радостно, как показалось Димке, забарабанил в такт строевому шагу, надеясь видимо на скорый конец развода. Ротный, старший лейтенант Рудаков, встав в строй, достаточно громко, чтобы быть услышанным своими подопечными воскликнул: щас в клуб пойдем!

Под непрерывную озябшую дробь барабана полк медленно, но верно, устремился в клуб на неожиданное собрание.

В клубе было также холодно, как и на плацу. Бойцы расселись по рядам, тесно прижавшись плечами друг к другу, чтобы хоть как-то согреться.

Командир Косолапов поднялся на трибуну и начал разнос.

Огурцов, сонный от нескольких подряд караулов, повернув голову в сторону всегда все знавшего Любимова, спросил: а чего вообще случилось – то?

Костя Любимов, душа человек рассказал вкратце новость или по-нашему очередной забор, из-за которого и происходил весь этот утренний сыр бор.

Клоун на велосипеде.

Пока грозный полковник Косолапов разносил в клочки окружавший его крепко сбитую фигуру тяжелоатлета стынущий клубный воздух, Люба вполголоса поведал Огурцову о вчерашнем инциденте в ДОСах.

Папа вышел из своего ДОСа на вечерний моцион с женой под ручку. Шли так себе мирно, никого не трогали, в привычном для папы в небоевую обстановку молчании. На улице в это время было ни души. Красота! Придаться ну, буквально, не к чему. Время позднее. Нормальные офицеры в это время, после трудов праведных, кто не на дежурстве и не в наряде примостились у телевизоров, кто в

одиночестве, а кто и с женой или подругой. Но не папа. Папа в любую погоду, в любом настроении обязательно выходил на вечернюю прогулку и непременно тащил с собой жену. Распорядок дня он, сами понимаете, для всех. И для жен особенно.

К сожалению, Косолапов почти не мог повлиять в этом плане на всех своих подчиненных. Формально если служебный день закончился и офицеры попрятались по своим квартирам, достать их законным путем было не так- то просто. Хотя, надо отдать Косолапову должное, он ухитрялся иногда вторгаться и в личную жизнь своих офицеров, почти так же успешно, как и постоянно в личную жизнь подневольных солдат срочников. Косолапов выдумывал внезапные проверки, устраивал казарменное положение для расслабившихся, было, офицеров, вообще периодически держал всех в тонусе. Но делать это постоянно он не мог, то ли жалел все-таки подчиненных, то ли испытывал садистское наслаждение от неожиданного эффекта своих атак на тихий, не всегда конечно, но все-таки отдых товарищей офицеров. Поэтому, строго следуя армейской пословице «подальше от начальства и поближе к кухне», свободные от нарядов офицеры таились по своим укромным нычкам, в постоянном ожидании тревоги, плановой или по настроению командира, какая разница.

Итак, Косолапов с супругой прогуливался по дорожке вдоль ДОСа, как из переулка по направлению к КПП лихо вырулил капитан Рябцев на звенящем не подкрученными спицами велосипеде. Ситуация, сами себе можете представить. Рябцев, внезапно увидев по пути следования папу, хоть и не по форме одетого, да еще и с бабой, пардон, с женой, конечно, сообразил, что надо срочно как-то отдать честь командиру. Но как это сделать, без того, чтобы не выпустить из правой руки руль. Ведь в левой свободной руке незадачливый капитан сжимал авоську с бутербродами. События развивались молниеносно. Рябцев, черт его дернул ехать в этот холодный осенний вечер в наряд на велосипеде, изобразив чудеса акробатического искусства, а скорее сидящий глубоко в печенках инстинкт советского офицера, исхитрился, уронив все-таки авоську с бутербродами на мокрый асфальт, перехватить руль левой рукой, правой отдать законную по праву воинской иерархии честь командиру. При этом Рябцев, как смог вытянулся в седле, привстав на педалях, словно пытаясь что-то там увидеть вдалеке за поворотом.

Командир громко крикнул, хотел сказать, наверное, свое любимое «кончу», но вспомнив видимо, что жена сбоку, произнес только: Клоун!

Говорить о том, что остаток наряда Рябцеву показался рассветом перед казнью и никакой заботливо приготовленный бутерброд с

фляйшем, перченый с колечками лука, в рот ему не лез, не приходится.

День задался неудачно, оказывается, еще до подъема, еще со вчерашнего вечера. Димка Огурцов узнал об этом сегодня утром на собрании полка в клубе.

Олег Попов в шитой фуре.

Олег Попов в шитой фуре. Это прозвище с этого самого незадавшегося с вечера дня с легкой руки командира прочно закрепилось за долговязым капитаном Рябцевым. Снятый с наряда Рябцев, словно проштрафившийся солдат-свинарь, стоял у подножия трибуны и казался маленьким и испуганным. Он потупил взор, мял в руке и впрямь шитую на заказ добротную широкополую не по уставу фуражку и его прямо таки было жалко. Друг и собутыльник Рябцева штатный спортсмен полка майор Супонькин сидел тихо и старался не смотреть на друга. Как бы чего не вышло! Ведь именно он, Супонькин, был активным пропагандистом велосипедной эпидемии среди офицеров полка – и быстро и полезно, а главное, спортивно!

- Вон пантонеры, давно уже все на великах разъезжают, а мы что отстаем, - говорил с жаром Супонькин, проповедуя среди офицеров.

Начфиз втайне надеялся, что его отметят там, наверху, за внедрение спорта в погрязшую в злоупотреблениях вредными привычками совсем не здоровую жизнь полкового офицерства.

Инициативы майора Супонькина уже порядком подпортили службу личному составу. Его бесконечные спортивные праздники в свободные, предназначенные для отдыха часы, его придумка отпускать в отпуск солдат только после поднятия гири определенное количество раз и еще множество подобных инициатив. Хотя, скажем честно, Супонькин был тысячу раз прав, когда пытался любым спортивным способом разбедить сонное царство разведывательного полка. А его футбольные матчи сначала между подразделениями полка, а потом и в гарнизоне, далее переросли в ставшие традиционными встречи с немецкими военными. И, надо отдать должное спортивному майору, народ он вовлекал с душой с выдумкой. Ребятам спорт добавлял азарта в скучной сменной жизни, давал позитивный настрой и возможность вырваться из рутинной служебной тягомотины хоть на какое-то время.

А сейчас, из-за этого запора Рябцева придется все это велосипедное рвение похерить до лучших времен. Обидно! Так или почти так размышлял майор Супонькин во время папиного разноса.

- Так испоганить образ советского офицера! Кхе, Хе, Хе, кончу, - рычал папа и снова продолжал: - Олег Попов в шитой фуре, клоун! Перед немцами стыдно! Если еще увижу на велосипеде офицера - кончу!

И так далее и все в таком разрезе. Целых сорок минут Косолапов разорялся в клубе, пока ему и самому это порядком не надоело.

Выходили из клуба также поротно, кто куда. Кто на смену, кто в наряд, а кто, как Огурцов, например, напрямик в подвал первой роты, в свою личную каптерку замполита.

Абстракционизм на стенгазете.

- Ладно, все нормально, главное, чтобы дальше день пошел гладко, без лишних напрягов, - думал про себя Димка, опуская самодельный кипяtilьник в литровую банку с водой. Два караула подряд через сутки это чересчур. Надо и отдохнуть немного. Все плакаты нарисованы, боевые листки написаны. Димка уселся в кресло и мгновенно заснул. До обеда есть время. Как мы уже знаем, день все-таки сегодня с утра, а вернее со вчерашнего вечера не задался. Рано расслабляться. Не успел Огурцов уснуть, как его разбудил жуткий вой кипяtilьника. Заварив чайку, Димка снова окунулся в теплое одеяло сладких сновидений, но ненадолго. Через минуту крик дневального на тумбочке окончательно разрушил Димкино желание спать.

- Дежурный по роте на выход! - Заорал что есть мочи рядовой Козлов, и Огурцов услышал знакомый звон набоек дежурного Игоря Ломего по полу первого этажа.

- Кого черт принес!?! - Воскликнул Димка и отхлебнул чай прямо из банки.

- Димон, Семененко с НачПО в коридоре. Тебя требуют. - Прокричал Игорек, распахивая дверь Димкиной каптерки.

- Ну вот, точно! Не задался день! - Пробормотал Огурцов и поспешил наверх.

В коридоре первой роты, прямо напротив ротной стенгазеты стоял начальник политического отдела полка подполковник Шиян и замполит первой роты старший лейтенант Семененко.

- Ну что это такое, Семененко? - Гудел своим обычным басом Шиян: Ты что тут такое изобразил? Кто это?

Указывал на изображение солдата в шинели и с автоматом НачПО.

- Разве может, разве должен так выглядеть советский солдат? Это что за абстракция? – Продолжал спрашивать Шиян замполита, а тот только молчал и мямлил что-то про нового помощника Огурцова.

- Какой Огурцов? Что ты говоришь, Семенко? Причем тут Огурцов? Кто отвечает за политическое воспитание в роте? А, Семененко! Семененко или Огурцов? – Шиян рассвирепел не на шутку.

- Рядовой Огурцов по вашему приказанию прибыл! – Отчеканил Димка и встал рядом с покрасневшимся Сэмом.

- Ты что ли намалевал, боец? – Как-то совсем беззлобно спросил НачПО.

- Так точно, я. – Ответил Огурцов и вытянулся по стойке смирно.

- Да ты что такое изобразил? А?

- Это солдат в карауле, - ответил невозмутимо Огурцов и показал рукой на стенгазету, в то место, где разноцветным пятном выделялся абстрактный коллаж, отдаленно напоминающий солдата.

- Солдат, говоришь? Так это догадываться надо! Ты это давай прекращай! Наглядная агитация, стенгазета или боевой листок должны быть понятны каждому бойцу и в мирное время и в боевой обстановке. Без всяких там догадок. Просто и ясно! Задача ясна, рядовой Огурцов?

- Так точно, товарищ подполковник!

- Вот и хорошо! Семененко, через два дня смотри ротных полевых ленинских комнат. Как идет подготовка к смотру? – Шиян наклонил голову к еще более покрасневшемуся Сэму.

- Идет, товарищ подполковник, - прошептал Семененко, растопырив руки, совсем по-женски в разные стороны.

- Что идет? – не отставал Шиян.

- Подготовка идет, товарищ подполковник.

- Хорошо! Через два дня покажешь, что подготовил, - сказал Шиян и проследовал к выходу из казармы. Сэм проводил партийное начальство молча, с прижатой к виску ладонью, тихо постанывая.

- Огурцов! – Закричал Семененко, как только Шиян скрылся за массивной входной дверью.

- Я здесь товарищ старший лейтенант, не уходил никуда.

- Ты сегодня в роте? Не в наряде? А, Огурцов? – Затараторил замполит.

- Да в роте я, кажется.

- Отлично.

- Чего отлично-то, товарищ старший лейтенант? Чего делать-то будем? – Димка прекрасно знал, что ничем хорошим для него этот ротный отдых сегодня не будет.

Уже ближе к ужину в каптерке появился наэлектризованный разговором с Шияном Семененко.

- Так Огурцов. Наша задача за два дня соорудить новую полевую ленинскую комнату. Понял? – Начал с порога замполит.

- Нет, не понял, а что со старой? – Огурцов пытался отодвинуть неизбежный напряг любым способом.

- Старая не годится. Во-первых, она вся уже порванная, а во-вторых, она старая. Будем новую делать! – Семененко был явно на взводе. Внезапно он закричал каким-то очень звонким, совсем ему не свойственным голосом: - Козлов, дневальный!

Когда Козлов просунул голову в дверной проем каптерки, Семененко, скомандовал: - вот тебе марки, купи мне в чапке две банки сгущенки. Давай, быстро.

- Да, я на тумбочке, товарищ старший лейтенант, – сказал Козлов и постукал по штыкножу.

- Чего, чего за разговорчики. Быстро! – Семененко был в ударе: - одна нога здесь, другая след простыл!

Сэм любил сгущенку, словно пятилетний ребенок. Прodelывал дырочки в банке и с наслаждением высасывал содержимое. Если замполит заказывал сгущенку, это являлось верным признаком приподнятого его настроения. После сгущенки Семененко становился еще более деятельным и активным, словно пьяница после опохмела.

Караул в самый не подходящий момент.

Было принято решение полевую ленинскую комнату шить из дерматина с полиэтиленовыми карманами для агитационных материалов. Сказать, вернее принять решение - легко, сделать, точнее сшить ленкомнату - совсем другое дело.

У замполита нарисовалась какая-то знакомая, жена офицера из понтонного полка, которая работала швеей в подвальчике под

гарнизонным военторгом. Вот с ней и договорился Семененко на послеотбойное время шить злосчастный дерматин в самую настоящую полевую ленинскую комнату.

Дерматин Семенко выпросил у прапорщика с вещевого склада, что-то там ему пообещав. Замполит и Огурцов условились встретиться у тумбочки дневального за полчаса до отбоя.

Сверили часы и разбежались по своим делам. Семененко доставать обещанное прапорщику за дерматин, Димка – на ужин.

После ужина Огурцова огорошил ответственный по роте лейтенант Романча: - Давай Огурцов быстро дуй в караул!

Сказал и так, как обычно, ехидно ухмыльнулся в реденькие усики.

- А чего в караул? Вернее, чего я в караул-то? – Огурцов не на шутку раскис: - на третьи сутки, что ли?

- Давай, давай, Огурцов! Поторапливайся! Гастева сняли с караула. Он Гусеву честь не отдал на фишке, придурок! – Романча просто упивался своим положением вершителя солдатских судеб.

- Да меня Семенко будет ждать перед отбоем, товарищ лейтенант, - упрашивал Димка.

- Да что ты такое говоришь? Правда? Сам Семененко? – ухмылялся Романча, прогибаясь с каждым своим словом назад, выпячивая ремень портупеи все ближе и ближе к Димке.

«Делать нечего, пойду в караул. Да я уже и свыкся с ним как-то», думал про себя Огурцов, подходя к караулке.

- Димка, здорово! – Андрюха Костин искренне обрадовался приходу старого друга: - пойдем чайку хватанем до смены.

Только Огурцов получил оружие и был готов к выходу на смену, как в караулку вбежал разъяренный замполит.

- Огурцов, живо давай! Живо оружие сдавай и со мной! – Семененко махал руками на Огурцова и поторапливал: давай, давай!

- Что, что, что? Что там давай? - Проснулся начальник караула лейтенант Кадаш. Надевая очки на помятое лицо с взъерошенными волосами, Кадаш казался не начальником караула, а студентом разночинцем старых времен, случайно одетым в военную форму.

- Володя, прости! Огурцов нужен, позарез! НачПо задачу поставил! – Почти закричал Семененко, прислонившись к стене

коридора. Отдышавшись, замполит добавил: - я тебе Козлова сейчас пришлю, лады?

- Лады! – Воскликнул Кадаш.

По пути к понтонерам, Сэм расспрашивал Димку, кто и зачем его в караул запер, да как ему не стыдно, ведь он всем говорил, чтобы Огурцова не трогали.

- Что за люди? Что за люди? – бурчал себе под нос замполит, ускоряя шаг.

Понтонерская жена и дерматин.

Уже было совсем темно, когда замполит с Огурцовым постучали в дверь швейной мастерской, что помещалась в подвальчике под военторгом.

- Надя! Надежда Петровна! Это Саша Семенов, помните, я с вами разговаривал насчет дерматина.

- А, а, конечно, помню, входите, – Димка давно уже не слышал такой тихий, добрый и главное совсем не военный женский голос.

- Только у нас тут темно в коридоре, лампочка перегорела, осторожно, - Надежда Петровна провела заказчиков через коридор в просторный зал, заставленный большими столами. Вдоль противоположной входу стены стояли две швейные машинки. Повсюду лежали кипы зеленой ткани.

- Вот ваш дерматин Саша! Давайте показывайте, что вы хотите с ним делать, – без лишних прелюдий спросила Надежда Петровна и раскидала в разные стороны на столе кусок коричневого жесткого дерматина.

- Нам бы вырезать по размеру, обметать по краям, чтобы не ворсился, а дальше мы сами. Так, Огурцов? – Семенов достал из кармана кителя сложенный пополам листок с размерами и, развернув, начал всматриваться в караули: - да, да, вот. Три на три метра. Края по двум сторонам подогнуть, чтобы стойки пролезли и все. А дальше мы сами, спасибо.

За работой перевалили за полночь. Димка резал дерматин, как показала швея, орудуя большими острыми ножницами. Семенов помогал подгибать края. Надежда Петровна пыталась сшивать на машинке, но переломав несколько игл, все-таки решила шить на руках. Дерматин оказался жесткий, мялся с трудом и совсем не хотел сшиваться.

В районе двух часов ночи стали собираться в роту. Сложили дерматин в небольшой кусок, взяли у Нади суровые нитки и пару большущих игл, чтобы пришивать карманы. Кажется все.

- Спасибо, Наденька, очень выручила! Женьке привет большой и спасибо, что разрешил с тобой, ну... поработать, - поблагодарил швею Семененко и шагнул вслед за Огурцовым в темноту понтонерского плаца.

Замполит проводил Огурцова до роты и у входа напутствовал: - завтра карманами займись. Я полиэтилен принесу к подъему.

- Спокойной ночи, - добавил Сэм и поторопился в ДОСы.

Когда Огурцов вошел в казарму, в коридоре его поджидал лейтенант Романча.

- Явился, помощник замполита, - начал как-то подозрительно ехидно ответственный по роте Романча.

- Так точно, товарищ лейтенант, явился, то есть прибыл, - ответил Димка, приложив ладонь к обрезу пилотки.

- Вот и хорошо! Бросай свои вещички и дуй Козлова в карауле менять, помощник, понял?

- Так точно, понял!

«Все-таки не избежать мне третьих суток в карауле», подумал Димка и побежал в каптерку бросить на стол треклятый дерматин.

Полевая ленинская комната.

Отстояв свое в карауле, Димка пришел в роту усталый, как собака. Обидно еще было от того, что Семененко утром не стал его отмазывать, а оставил все как есть. Ну да ладно, чего теперь «после драки кулаками махать».

В каптерке на столе Димка обнаружил сверток полиэтилена и вспомнил про задание на вечер. Сегодня, «кровь из носу», надо сшить карманы. На завтра останется только заполнить карманы заготовкой боевого листка и агитационным материалом. Успеть бы, а то влетит и замполиту и его помощнику, по самое не хочу.

В торце продолговатой каптерки стоял неподъемный ящик с полевой ленинской комнатой. Ящик был фанерный, выкрашенный в защитный зеленый цвет. Краска местами пожухла, а местами совсем слезла. Ящик выглядел внушительно с металлическими углами и замками. Размерами ящик был 80 см на метр или почти так. Весил вместе с ленкомнатой, красками, перьями и разной политической

макулатурой не меньше 30 кг. А таскать этот ящик на себе Димке приходилось каждый раз, когда объявлялся сбор по тревоге. И не просто таскать, а тащить в большой парк, да еще и нести на себе в придачу автомат, скатку, вещмешок, короче, все, что по тревоге должно таскать на себе.

Чтобы облегчить свою и так тяжелую жизнь в ранге помощника замполита, Огурцов пошел на хитрость. Выложил все содержимое ящика в шкаф в каптерке, и таскал по тревоге пустой ящик. Бегал в парк он теперь лихо, на зависть тем, кто гнулся под тяжестью пулеметов и ящиков с патронами.

Пока еще Димка не попадался. Никто не просил разворачивать полевую ленинскую комнату по тревоге в парке. Слава Богу! Вот в случае выездов и учений, конечно, надо было готовить ящик в сборе. Но такие выезды случались не часто.

Всю ночь Огурцов провозился с полиэтиленовыми карманами. Дерматин не помещался в разложенном виде в маленькой каптерке, пришлось подняться на этаж и расстелить кусок в ленинской комнате. Димка исколол все пальцы об здоровенные иголки, испортил метр пленки, но все-таки пришил карманы к дерматину. Оставалось нарисовать листки, лозунги и всякую другую политическую чепуху, чтобы забить новенькие карманы до отказа.

«Но это все завтра, а сегодня надо хоть часок поспать да подъема», решил Огурцов и пошел в кубрик, даже не почистив зубы.

Утро наступило мгновенно. Прибежал замполит, дрожа от возбуждения, заголосил на пороге каптерки: - Ну, Огурцов, показывай, что натворил. Пришил карманы? Отлично! Давай, давай, теперь быстро, надо информацию писать! Быстро! Огурцов! После развода на плацу выставляемся! На завтрак сгоняй с ротой и быстро назад. На развод не ходи!

Вдвоем, кое-как написали что-то новое, подправили что-то старое. Сэм помогал Огурцову, откупоривал баночки с краской, подрезал бумагу, складывал литературу в ящик. Забыли, наверное, самое важное, проверить влезут ли стойки в подогнутые края дерматина. А, потом проверим, на плацу, сейчас не до этого!

Всё! Надо выходить на плац, вернее уже выбегать, опаздываем!

Победное фиаско.

Когда Семененко с Огурцовым подбегали к плацу, сгибаясь под тяжестью полевой ленинской комнаты и сопутствующих конструкций, начальник политического отдела полка подполковник Шиян уже

прохаживался вдоль выставленных по периметру плаца ленинских комнат других рот.

- Опоздали! Как же так, вроде еще рано! – Запричитал замполит, остановившись у края плаца. Огурцов сначала встал рядом с Сэмом, а спустя пару секунд не выдержал и присел на ненавистный зеленый ящик.

«У, тяжелый, скотина!» Воскликнул в сердцах Димка, вытирая текущий из-под пилотки по лбу пот.

- Семененко! – Заметил НачПО замполита первой роты: - что ты там мнешься у почек? Расставляйся, расставляйся теперь вон там на травке. Шиян указал рукой поросшую травой площадку слева от плаца: - опаздывать не надо!

В то время, когда все пять рот разведывательного полка уже собирали свои ленкомнаты в ящики, первая рота только начинала свое развертывание.

Огурцов и Семененко бегали со стойками, колышками, раскосами, спотыкались, сталкивались лбами, развернули с грехом пополам ленкомнату, что-то там куда-то вставили, оттянули, растянули, укрепили вроде как, поставили.

Шиян, с улыбкой наблюдал всю эту цирковую возню и, наконец, не выдержал: - ну прямо клоуны! Семененко, мало того, что опоздали, так и поставили криво косо. А, Семененко, в чем дело?

- Да у нас ленкомната новая. А стойки старые, товарищ подполковник.

- Мозги у тебя, Семененко, старые. Ну, докладывай!

- Вот, стоит! - Воскликнул Семененко и встал справа от качающегося при легком ветерке куска дерматина.

- Огурцов, смирно! – Скомандовал Семененко и доложил Шияну: - Полевая ленинская комната по вашему приказанию развернута, заместитель командира первой роты по политической части старший лейтенант Семененко.

Только Сэм кончил доклад, как очередная волна легкого осеннего ветерка повалила шаткую конструкцию, а с ней и полевую ленинскую комнату, на счастье, в противоположную сторону он начальника политотдела.

- Все Семененко, ты меня окончательно добил! – Махнул рукой Шиян и, отвернувшись, зашагал в сторону штаба.

- Складываемся, товарищ старший лейтенант? - Спросил Огурцов замполита и не получив ответа, начал собирать помятые и разбросанные детали обратно в ящик.

Семенович ничего не ответив, ушел в роту, а Димка еще долго ковырялся, собирал в ящик полевую ленинскую комнату.

«А куда торопиться-то», резонно подумал Димка и его движения стали еще более размеренными.

Собрав ящик, Огурцов потащил его в роту. Задержавшись на кромке плаца, он повернулся на звон посуды. По плацу вышагивали бойцы с подносами в руках. Бойцами командовал начальник столовой прапорщик Хусаинов. Маленький, кругленький, Хусаинов словно мячик кидался от одного края плаца к другому, распекая бойцов за что-то. Те с невозмутимым видом ходили строевым шагом по кругу, держа подносы с тарелками на вытянутых руках. Та еще мизансцена!

Мимо плаца в это время проходил командир полка Косолапов. Он тоже, как и Огурцов остановился на посудное брнчание и замер.

- Что за...Клоуны.... Кхе, хе, хе. Хусаинов, ко мне!

Замполит первой роты старший лейтенант Семенович